Лекция 24

Казақстанның ашық университеті

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

1-ТОМ
АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Этика Аристотеля

Цель – рассмотрение нравственной философии Аристотеля.

План

1. Аристотель об эвдемонизме.
2. Аристотель о нравственной и интеллектуальной добродетели.
3. Удовольствие и счастье.

Ключевые слова: счастье, эвдемонизм, удовольствие, мудрость, понимание, нравственные добродетели, интеллектуальные добродетели.

Данная лекция посвящена этическим вопросам в философии Аристотеля, рассмотренным Энтони Кенни в восьмой главе его книги.

Критерии для хорошей жизни, изложенные в «Филебе», появляются в аристотелевской концепции о хорошей жизни. Хорошее, в поисках которого мы находимся, – говорит он в начале Никомаховой этики, – должно быть совершенным по сравнению с другими целями, то есть, это должно быть что-то искомое всегда ради себя и никогда ради чего-то другого; и это должно быть чем-то самодостаточным, что само по себе делает жизнь полноценной. Это, – продолжает он, – свойства счастья (eudaimonia).

В этических трактатах Аристотеля понятие счастья играет центральную роль. Однако, в Евдемовой этике, он делает это более подробно, поэтому Энтони Кенни придерживается именно этого текста, а не более известной Никомаховой этики. Трактат начинается с вопроса: Что такое хорошая жизнь и как ее обрести? На вторую часть вопроса есть пять ответов (по своей природе, по обучению, по дисциплине, по милости Божией, и по счастливой случайности), и семь ответов на первую часть (мудрость, добродетель, удовольствие, честь, репутация, богатство и культура). Аристотель немедленно устраняет некоторые ответы на второй вопрос: если счастье приходит чисто от природы или по счастливой случайности или по благодати, тогда это будет вне досягаемости большинства людей, и они ничего не могут с этим поделать. Но полный ответ на второй вопрос, очевидно, зависит от ответа на первый: и Аристотель работает над ответом на вопрос: ради чего стоит жить?

Если жизнь стоит того, чтобы жить, она, безусловно, должна быть для чего-то, что является действительной целью. Одна такая цель – удовольствие. Физиологические удовольствия слишком примитивны для истинной цели человеческой жизни: но если мы совместим их с эстетическими и интеллектуальными удовольствиями, мы найдем значительную цель, которая может быть преследуема людьми. Другие предпочитают жизнь добродетельных действий – жизнь настоящего политика, не похожего на лживых политиков, кто стремится только к деньгам или власти. Для третьих есть жизнь научного созерцания, как для Анаксагора, который на вопрос, почему он должен был родиться, отвечал: «Чтобы восхищаться небесами и порядком во Вселенной».

Таким образом, Аристотель сократил возможные ответы на вопрос «Что такое хорошая жизнь?» в короткий список из трех: мудрость, добродетель и удовольствие. Все, – говорит он, – соединены со счастьем в одной или другой из трех форм жизни, философской, политической, или сладострастной. Эта триада обеспечивает ключ к этическим исследованиям Аристотеля. Трактаты Евдемова этика и Никомахова этика содержат подробный анализ понятия добродетели, мудрости (phronesis) и удовольствия. И когда Аристотелю приходится представить его собственную концепцию счастья, он может утверждать, что счастье включает в себя лучшее из всех трех традиционных форм жизни.

Важнейшим шагом на пути к достижению этой цели является применение в этической области метафизического анализа потенциальности и актуальности. Аристотель делает различие между состоянием (hexis), его применением (chresis) и действием (energeia). Добродетель и мудрость – это состояния, тогда как счастье – это деятельность, и поэтому их

нельзя просто идентифицировать. Деятельность, которая составляет счастье, есть использование или проявление добродетели. Хотя мудрость и нравственная сила – разные hexeis, они осуществляются нераздельно в одном energeia, так что они не конкурирующие, но сотрудничающие вкладчики в счастье. Кроме того, удовольствие, утверждает Аристотель, идентично беспрепятственному осуществлению соответствующего состояния: так что, счастье, которое считается беспрепятственным совершенствованием этих двух состояний одновременно, – есть жизнь добродетели, мудрости и удовольствия.

Для того чтобы прийти к такому выводу, требуется много страниц анализа и аргументации. Сначала, Аристотель должен показать, что счастье – это деятельность в соответствии с добродетелью. Это выводится из рассмотрения функции или характерной деятельности (ergon) человеческих существ. Человек должен иметь функцию, утверждает Никомахова Этика, потому что определенные типы людей (например, скульпторы) имеют функции, и отдельные части и органы людей тоже имеют функции для человеческого существования. Что это за функция? Не рост и питание, это функции растений, не жизнь чувств, это функции животных. Это должна быть жизнь разума, связанная с действием: деятельность души в соответствии с разумом. Поэтому для нормального функционирования человека необходима деятельность души в соответствии с добродетелью. Нереализованная добродетель не есть счастье, потому что это было бы похоже на жизнь, проведенную во сне, которую никто не назовет счастливой.

Во-вторых, Аристотель должен проанализировать понятие добродетели. Добродетель классифицируется в соответствии с разделением частей души, описанным в предыдущей главе. Любое достоинство растительной части души, например, здоровое пищеварение, не имеет отношения к этике, которая связана с конкретными человеческими добродетелями. Часть души, связанная с желанием и страстью, является специфически человеческой, потому что она находится под контролем разума: она имеет такие нравственные добродетели, как мужество и умеренность. Рациональная часть души – это место для интеллектуальных добродетелей.

Нравственные добродетели рассматриваются со 2 по 5 книгах «Никомахова этики» и во 2 и 3 книгах «Евдемовой этики». Эти добродетели не врожденные, но приобретенные практикой, они могут быть утрачены, если не будут использоваться: таким образом, они отличаются от способностей интеллекта и памяти. Они пребывают в определенном состоянии, и, таким образом, отличаются от сиюминутных страстей, как гнев и жалость. Что делает человека хорошим или плохим, достойным хвалы или порицания, это не простое владение способностями или простое порождение страстей. Это скорее состояние характера, которое выражается как в цели (prohairesis), так и в действии (praxis).

Добродетель выражается в благой цели, то есть в предписании действия в соответствии с хорошим планом жизни. Действия, которые выражают нравственную добродетель, позволят, говорит Аристотель, избежать избытка и порока. Умеренный человек, например, будет избегать обильной еды или питья; но он также будет стараться не есть или не пить слишком мало. Добродетель выбирает среднее между избытком и недостатком. Аристотель проходит через длинный список добродетелей, начиная с традиционных, исходящих из силы духа и умеренности, и включая другие, такие как либерализм, искренность, достоинство и праздничность, и делает наброски о среднем значении каждого из них.

Доктрина среднего не предназначена в качестве рецепта посредственности или предписания всегда оставаться в середине толпы. Аристотель предупреждает нас, что представления о правильной мере еды, питья, разговоров, поступков, могут отличаться от человека к человеку, что количество еды для олимпийского чемпиона может не подойти спорстмену–новичку. Каждый из нас узнаёт, какова правильная мера, по опыту: наблюдая и исправляя избытки и недостатки в своем поведении. Добродетель касается не только действия, но и страсти. У нас есть слишком много страхов или слишком мало страхов, и мужество позволит нам бояться, когда страх уместен, и быть бесстрашными, когда его нет.

Добродетели, помимо заботы о срединной мере действия и страсти, сами занимают золотую середину между двумя противоположными пороками. Так, мужество находится в середине между безрассудством с одной стороны, и трусостью, с другой; щедрость ступает по узкой тропинке между скупостью и мотовством. Но если есть среднее в действиях и страстях, то нет среднего в добродетели: не может быть слишком много добродетели там, где может

быть слишком много определенного действия или страсти. Если мы чувствуем склонность сказать, что кто-то слишком смелый, то мы действительно имеем в виду, что его действия пересекают границу между добродетелью мужества и пороком безрассудства. И если не может быть слишком много добродетели, значит, не может быть слишком мало порока: так что нет среднего в пороке больше, чем есть среднее в добродетели.

Хотя все нравственные добродетели являются срединной мерой действий и страстей, не каждый вид действия и страсти способен на добродетельную середину. Есть некоторые действия, у которых нет меры, потому что любое их количество слишком много: Аристотель приводит в пример убийство и прелюбодеяние. Нет такого понятия, как совершение прелюбодеяния с правильным человеком в правильное время и в правильном направлении. Точно так же есть страсти, которые исключены из применения средней меры: нет правильного количества зависти или злобы.

Аристотель подводит итог своим рассуждениям о нравственной добродетели, говоря, что это состояние характера, выраженного в выборе, лежащем в соответствующем среднем, и определенного по рецепту, который дал бы мудрый человек. Чтобы завершить свои мысли, он должен объяснить, что такое мудрость и как могут быть достигнуты рецепты мудрого человека. В обеих книгах по этике он рассматривает интеллектуальную добродетель. Мудрость – не только интеллектуальная добродетель,– считает Аристотель. Добродетель чего-либо зависит от его ergon, его функции или работы. Работа разума – производство истинного и ложного суждения, и когда он делает свою работу хорошо, он производит истинные суждения. Интеллектуальные добродетели способствуют тому, чтобы разум достиг истины. Аристотель говорит, что есть пять состояний с подобным эффектом: это – искусство (techne), наука (episteme), мудрость (phronesis), понимание (sophia) и интуиция (nous). Эти состояния отличаются от других психических состояний, таких как вера или мнение (doxa), которые могут быть истинными или ложными. Таким образом, эти пять состояний являются кандидатами на роль интеллектуальных добродетелей.

Подробно рассмотрев эти состояния, Аристотель приходит к мысли, что понимание (sophia) есть добродетель теоретической части (epistemonikon), которая соприкасается с вечными истинами; а мудрость – это добродетель практической части (logistikon), который рассматривает человеческие занятия. Все другие интеллектуальные добродетели являются либо частью, либо могут быть сведены к этим двум добродетелям теоретического и практического разума.

Интеллектуальная добродетель практического разума неразрывно связана с нравственными добродетелями эмоциональной части души. Это невозможно,– говорит Аристотель, – быть действительно хорошим без мудрости, или быть действительно мудрым без нравственности. Это вытекает из природы истины, связанной с практическим разумом.

Для того чтобы объяснить связь между удовольствием и счастьем, Аристотель дает общее представление о природе удовольствия. Это он делает и в Никомаховой этике, и в Евдемовой этике. В каждом трактате Аристотель предлагает классификацию удовольствия. Он говорит о псевдо-удовольствиях, физиологических удовольствиях, эстетических удовольствиях органов чувств, которые он дели на низшие (осязания и вкуса) и высшие (зрения, слуха и обоняния) и, наконец, на верхней части шкалы, удовольствиях разума.

Аристотель говорит о том, что удовольствие совершенствует деятельность. Чтобы понять, что он имел в виду, рассмотрим эстетическое удовольствие вкуса. Вы находитесь на дегустации зрелых вин; вы свободны от простуды, и не отвлекаетесь на фоновую музыку; тогда, если вам не нравится вино, либо у вас плохой вкус («орган не в хорошем состоянии»), либо это плохое вино («оно не было приготовлено в целях достижения наилучшего качества»). Третьего варианта нет. Удовольствие «совершенствует» деятельность в том смысле, что оно является причиной этой деятельности – в данном случае, дегустации – быть хорошим подобно этому. Орган и объект – в этом случае вкус и вино – это действующие причины деятельности. Если они оба хорошие, они будут действующей причиной хорошей активности, и поэтому они тоже будут «совершенной» деятельностью, т. е. хорошим образцом такой активности. Но удовольствие вызывает активность не как действующая причина, но как причина конечная: как здоровье, не как доктор.

После этого анализа Аристотель в состоянии рассмотреть отношение между удовольствием и добродетелью. Вопрос «удовольствие хорошее или плохое?» – слишком простой: на это можно ответить только после удовольствия, разделенного и классифицированного. Удовольствие не должно рассматриваться как хорошая или плохая вещь само по себе: удовольствие, свойственное хорошей деятельности – хорошо, и удовольствие, свойственное плохой деятельности – плохо.

Таким образом, может оказаться, что удовольствие (определенного рода) есть лучшее из всех человеческих благ. Если счастье состоит в совершенствовании высшей формы добродетели, и если беспрепятственное осуществление добродетели составляет удовольствие, тогда счастье и наслаждение – это одно и то же.

Платон в «Филебе» спрашивает, что составляет лучшую жизнь: удовольствие или мудрость? Ответ Аристотеля заключается в том, что только правильное понимание того, что они не конкурируют в достижении счастья, составляет лучшую жизнь. Осуществление высшей формы phronesis – это та же самое истинная форма удовольствия; каждая идентична друг с другом и с счастьем. В использовании Платона, однако, «phronesis» покрывает весь ряд интеллектуальных добродетелей, тогда как Аристотель выделяет мудрость (phronesis) и понимание (sofia). Если мы спросим, может ли счастье быть идентифицировано с удовольствием мудрости, или с удовольствием понимания, мы получим различные ответы в двух этических трактатах Аристотеля.

В Никомаховой Этике высшее счастье – это деятельность в соответствии с пониманием, деятельность, которую Аристотель называет «созерцанием». Нам говорят, что созерцание связано с философией, как знание – с поиском: оно состоит в наслаждении плодами философского исследования.

В Евдемовой этике счастье идентифицируется не с осуществлением Единой доминирующей добродетели, но с использованием всех добродетелей, включая не только понимание, но и нравственные добродетели, связанные с мудростью. Деятельность в соответствии с этими добродетелями приятна, и, таким образом, у истинно счастливого человека будет наиболее приятная жизнь. Для добродетельного человека понятия «хороший» и «приятный» совпадают с их применением; если же не совпадают, то человек не добродетелен. В этом совпадении – задача этики.

Хотя Евдемова этика не отождествляет счастье с философским созерцанием, как Никомахова этика, она дает ему доминирующее положение в жизни счастливого человека. Осуществление нравственных и интеллектуальных добродетелей, в Евдемовой этике, входит в состав счастья; но стандарт для их совершенствования установлен их отношением к созерцанию, который здесь определяется в теологических, а не философских терминах.

Евдемийский идеал счастья, учитывая роль, которую он отводит созерцанию, и нравственным добродетелям, и удовольствию, может претендовать, как обещал Аристотель, на совмещение особенностей трех традиционных жизней, жизни философа, жизни политика и жизни ищущего удовольствия. Счастливый человек будет ценить созерцание превыше всего, но часть его счастливой жизни будет составлять совершенствование политических добродетелей и наслаждение умеренными естественными человеческими удовольствиями как тела, так и души.

Таким образом, мы рассмотрели нравственную философии Аристотеля, проанализированную Энтони Кенни в восьмой главе его книги. В следующей лекции мы продолжим тему нравственности в античной философии. Всего доброго, друзья. До новых встреч.

Вопросы для закрепления темы

1. Какое понятие играет центральную роль в этических трактатах Аристотеля?
2. Чем отличаются нравственные добродетели от интеллектуальных?
3. Как вы можете объяснить учение Аристотеля о середине (мере)?
4. Какие главные интеллектуальные добродетели выделяет Аристотель?
5. Как Аристотель классифицирует удовольствия?

6. Как соотносятся удовольствие и добродетель в философии Аристотеля?
7. В чем состоит счастье, по Аристотелю?
8. Что будет ценить счастливый человек превыше всего?

Литература

1. Anthony Kenny. Ancient Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 1.– Oxford University Press. – 2014. – 368 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 1 том, Антика философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 408 б.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Лосева. (Серия «Философское наследие»). – М., Мысль, 1979. – 624 с.
4. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. – М., 1981.
5. Платон. Диалоги. – М.: Академический проект. – 2017.
6. Adler, M. Aristotle for everybody. Difficult Thought Made Easy. Published June 1st 1997 by Touchstone (first published 1978).